

НЕОКОНЧЕННЫЙ РОМАН В.С. ПИКУЛЯ О ВОЙНЕ (ВЗГЛЯД ИЗ XXI ВЕКА)

А.А. Пауткин

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; apautkin@yandex.ru*

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению ряда повествовательных особенностей последнего неоконченного романа В.С. Пикуля «Площадь Павших Борцов». Первая книга неосуществленной дилогии под названием «Барбаросса» увидела свет в начале 1990-х гг., уже после кончины писателя, и демонстрирует своеобразный сдвиг в сторону так называемой литературы нон-фикшн, приобретшей позднее особую популярность. Центральным событием книги должна была стать Сталинградская битва — тема глубоко личная для автора. «Площадь Павших Борцов» он посвятил памяти своего отца, погибшего в Сталинграде. Реконструируя историю сталинградского противостояния, автор выводит на страницы книги множество исторических персонажей. Однако широкая панорама военно-политических событий 30-х — нач. 40-х гг. доведена лишь до конца августа 1942 г. Среди особенностей повествовательной манеры Пикуля отмечаются различные формы авторского присутствия в тексте, нарочитая публицистичность оценок отдельных персонажей и событий, оригинальный композиционный ход, делающий центральной связующей фигурой немецкого фельдмаршала Ф. Паулюса, что в конце прошлого века могло выглядеть необычным и даже вызывающим. Работа над романом велась в годы, когда о войне читатель узнавал из первых уст от писателей-фронтовиков. Сегодня неоконченный роман-размышление, основанный на множестве письменных источников и документальных свидетельствах, открывается иными гранями. Он предвосхитил новое направление развития литературы о Великой Отечественной войне, представляющейся с эпической дистанции неисчерпаемым материалом для исторической прозы.

Ключевые слова: В.С. Пикуль; «Площадь Павших Борцов»; «Барбаросса»; Сталинградская битва; историческая проза; документальный источник; авторское присутствие

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2025-48-03-5

Для цитирования: Пауткин А.А. Неоконченный роман В.С. Пикуля о войне (взгляд из XXI века) // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2025. № 3. С. 48–55.

V. PIKUL'S UNFINISHED NOVEL ABOUT THE WAR (A VIEW FROM THE 21st CENTURY)

Alexey Pautkin

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; apautkin@yandex.ru

Abstract: The article is devoted to some narrative features of Valentin Pikul's last unfinished novel *The Square of Fallen Fighters*. The first book of the unfinished trilogy, "Barbarossa", saw the light in the early 90s of the 20th century, after the writer's death, and demonstrates a peculiar shift towards the so-called non-fiction literature, which later became especially popular. The central event of the book was to be the Battle of Stalingrad — a topic deeply personal for the author. Pikul dedicated his *Square of Fallen Fighters* to the memory of his father, who died in Stalingrad. Reconstructing the history of the Stalingrad confrontation, the author brings many historical characters to the pages of the book. However, a broad panorama of military and political events of the 30's — early 40's is brought only to the end of August 1942. Among the features of Pikul's narrative style are various forms of authorial presence in the text, deliberate publicistic assessments of individual characters and events, original compositional move, and making the German Field Marshal F. Paulus the central linking figure of the novel, which at the end of the last century could look unusual and even defiant. Work on the novel was carried out in the years when the reader learned about the war at first hand from front-line writers. Today, the unfinished novel of reflection, based on a multitude of written sources and documentary evidence, reveals its other facets. It has anticipated a new direction in the development of literature about the Great Patriotic War.

Keywords: V. Pikul; *The Square of the Fallen Fighters*; "Barbarossa"; the Battle of Stalingrad; historical prose; documentary source; author's presence

For citation: Pautkin A. (2025). V. Pikul's Unfinished Novel About War (a View from the 21st Century). *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 3, pp. 48–55.

Популярность книг В.С. Пикуля в поздний советский период бесспорна. Интерес к ним проявлялся не только в среде поклонников исторической беллетристики, но и у читателей, профессионально причастных к гуманитарным областям знания. Так, даже специалисты по истории литературы XVIII в. не могли не ознакомиться с романом об одном из фаворитов императрицы. Признание ошибочности журнальной публикации романа Пикуля о другом царском любимце тоже подогрело интерес к его творчеству. Реконструируя далекое прошлое, писатель создал увлекательный мир. Но в его творчестве есть ряд произведений, посвященных не столь давним и значимым лично для него событиям.

Тема Отечественной войны прозвучала уже в первой, ученической работе писателя — «Океанский патруль» (1957). И с особым

мастерством воплотилась в потрясающем своим трагизмом «Реквиеме каравану PQ-17» (1970). В гораздо меньшей степени известна последняя, незавершенная книга Пикуля «Площадь Павших Борцов». В начале 90-х гг. была опубликована ее первая часть — «Барбаросса», подготовленная к печати вдовой писателя [Пикуль 1992]. Судить о незаконченном произведении трудно. Какой должна была бы стать вторая часть дилогии, мы уже никогда не узнаем. Возможно, и первая подверглась бы авторской правке. Вспомним, что книга увидела свет в переломный момент современной истории. Завершалась и эпоха литературоцентричной отечественной культуры. А вместе с тем стало сужаться и поле исторической романистики, уступая место иным жанровым формам. Последняя книга Пикуля, как представляется, демонстрирует своеобразный сдвиг в сторону так называемой литературы нон-фикшн, приобретшей позднее особую популярность. В ней нет места вымыслу, и спорными могут быть лишь авторские трактовки событий. Каким-то образом Пикуль уже в конце 80-х гг. уловил намечавшуюся тенденцию развития повествования о прошлом, приближавшегося в ряде аспектов к трудам историков. В западной военно-исторической литературе последних десятилетий можно отметить подобные работы о знаковых сражениях XIX–XX вв. (напр. Э. Бивор, М. Хастингс или Б. Корнуэлл и др.).

Сталинградская битва — центр всего замысла автора. Само название произведения указывает на главный локус победы на Волге, ведь именно в универмаге на площади Павших Борцов был пленен командующий 6-й армией вермахта Ф. Паулюс. К сожалению, повествование обрывается на событиях 23 августа 1942 г. Это день варварского авиационного налета на город, превратившийся в дымящиеся руины. Уже в сентябре, то есть за пределами авторского текста, развернутся жесточайшие бои за город, в центре которых окажется 62-я армия генерала В.И. Чуйкова. Вдова писателя, Антонина Пикуль, отметила последние фразы авторского текста и привела в заключение черновик плана последней главы первой части [Пикуль 1992: 581–591].

Работа над сталинградской темой имела для писателя глубоко личный смысл. Обороняя Сталинград, погиб его отец. Книгу открывают следующие слова: «Светлой памяти отца, Саввы Михайловича Пикуля, который в рядах морской пехоты погиб в руинах Сталинграда, — с сыновьей любовью посвящая» [Пикуль 1992: 5].

Книга, представляющая собой развернутую картину предистории сталинградского противостояния, населена множеством исторических персонажей. Это первые лица государств, их окружение, политики и военачальники различного ранга и даже рядовые участники событий, которым было суждено оставить свой след в раз-

вернувшейся борьбе на полях Европы и России¹. Но главной фигурой, связующей воедино калейдоскоп событий, оказывается один из ведущих разработчиков плана «Барбаросса» Ф. Паулюс. Этому ученому штабисту военная судьба отвела роль символа катастрофического поражения, ставшего переломным моментом всей войны. Оказавшись в связи со смертью предшественника В. фон Рейхенау командующим 6-й армией вермахта, именно Паулюс первым из германских военачальников сполна расплатился за роковые решения и поступки создателей плана «Барбаросса». Подобный композиционный ход мог показаться необычным или даже вызывающим почти сорок лет назад.

В связи с этим заметим, что в 2013 г. в рубрике «Большая книга» был напечатан, пожалуй, последний роман о войне, созданный писателем-фронтовиком, — «Мой лейтенант» Д. Гранина, с которым у Пикуля, как известно, сложились непростые отношения. Издание удивляло своим художественным оформлением. В качестве иллюстраций были использованы рисунки австрийского графика Ганса Лиски, отразившего действия солдат вермахта на разных театрах Второй мировой войны от Европы до Советского Союза. Возможно, издатели пришли к столь неожиданному решению, опираясь на финал книги, где представлена встреча двух пожилых ветеранов, сражавшихся в молодости друг против друга на Ленинградском фронте. Лиска, оперативно отражавший войну с немецкой стороны, не рисовал блокадного Ленинграда, а вот несколько работ о Сталинграде он оставил. Сегодня его зарисовки уже не выглядели бы столь вызывающе, случись им дополнять недописанный роман «Барбаросса».

В исторических романах Пикуля не раз приходится сталкиваться с прямым авторским обращением к читателю. Эта особенность построения повествования не всегда и не везде кажется уместной и оправданной. На сей раз это допускает сам жанр, ведь перед нами роман-размышление. Так его определил автор. За десять лет до этого широкий резонанс получил роман-эссе В. Чивилихина «Память», построенный на ином, гораздо менее актуальном материале, где диалог с читателем наряду с привлечением множества текстов стал по сути оригинальным формообразующим приемом. Различные комбинации прямого авторского присутствия в тексте Пикуля выглядят вполне органично. Вот, например, заключительная фраза опубликованного текста: «Когда я лишь принимался осваивать эту тему, меня, честно скажу, волновал лишь один вопрос — как немцы дошли до Волги?» [Пикуль 1992: 591].

¹ Подробнее см.: [Прокурова 2016].

Сегодня особенно ощутим дух того времени, внутри которого создавалась книга. Оно сказалось в азартности характеристик отдельных личностей, нарочитой публицистичности в целом верных оценок фактов. Автор не скрывает своих антисталинистских настроений, ненависти к «сикофантам» из окружения вождя: «Ах, сколько было врагов народа! Но я вижу их не за колючей проволокой Колымы или Воркуты, а в тишайших и теплых кабинетах Кремля, в ближайшем окружении Сталина» [Пикуль 1992: 127]. Он прозрачно намекает на противоборство мнений, обострившееся на рубеже 1980–1990-х гг. «Обклеивание ярлыками» писателю хорошо знакомо: «Вот, — скажут читатели, — написал тут автор, что все было плохо, а что же было в то время у нас хорошего? Народ был хороший, — отвечу, — лучше нас с вами» [Пикуль 1992: 132].

Пикуль — мастер миниатюры, зарисовки, того, что когда-то именовали историческим анекдотом. Он решает задачу превращения чужого текста в свой, и при этом посильный для восприятия обычным читателем. Вот пример: «Всего, что написано о последних днях августа, не пересказать, а посему я постараюсь быть краток» [Пикуль 1992: 578]. Но здесь коренится и возможность критического отношения к его писательской реконструкции событий, появляются основания упрекнуть его в поверхностности суждений [Винокуров 2013]. Не будем забывать, что историки не относят мемуары, а ими писатель пользовался постоянно, к числу документальных свидетельств первой величины. Субъективность трактовки прошлого подчас присутствует уже на стадии создания самого источника, что-то может редуцироваться, а что-то, напротив, произвольно приобретать больший вес.

В период так называемой «гласности» на наших соотечественников обрушился вал информации. Неизвестные ранее факты, иногда искусственно скрывавшиеся, трактовки, «развенчивающие мифы», нуждались в осмыслении. Что-то было непросто принять, а где-то было трудно удержаться от огульной разоблачительности. И тем не менее многое выглядело горькой правдой. Автору приходилось оперативно реагировать на все это, бороться с информационным хаосом. Особенно резкими выглядят оценки причин поражений начального периода войны. Вот лишь один подобный пассаж, направленный против «апостолов лошадиной тактики» [Пикуль 1992: 58], косных методов развития Красной армии в конце 30-х гг.: «Стыдно сказать, что в Академии Генерального штаба перед войной еще читались лекции об устройстве зимних саней, слушателей знакомили с конной упряжкой, следовало знать наизубок убогий инвентарь обозного имущества» [Пикуль 1992: 57].

Приведем лишь три примера новой для тогдашнего массового читателя исторической информации. Она касается самого начала Второй мировой войны — польских событий сентября 1939 г. Здесь заметна опора и на воспоминания создателя немецких танковых войск Г. Гудериана. Немцы побеждают не способную оказать им сопротивление польскую армию, рапортуют о неравном противостоянии танков и устаревшей кавалерии. У Пикуля этот трагический эпизод представлен сжато, метафорически: «По крупповской броне звонко стучали клинки отважных варшавских жолнеров, об эту же броню ломались пики польской кавалерии» [Пикуль 1992: 52]. Вот что читаем у Гудериана: «Польская Поморская кавалерийская бригада из-за незнания конструктивных данных и способов действия наших танков атаковала их с холодным оружием и понесла чудовищные потери» [Гудериан 1998: 94]. Немецкий генерал датирует эту атаку 3 сентября. На самом же деле в приграничном бою два эскадрона 18-го полка Поморских улан отчаянно атаковали под Кроянтами остановившихся на отдых немцев в 19 часов 1 сентября 1939 г., не заметив спрятанных в лесу броневиков, и в силу этого стали жертвами своей роковой ошибки [Васильев 1991: 44–47]. Это была первая кавалерийская атака Второй мировой войны. Однако как не вспомнить, например, успешные рейды кавалерии Г. Белова и Л. Доватора под Москвой или конно-механизированные группы, действовавшие даже на заключительном этапе войны.

Пикуль привлекает внимание и к неведомым в то время большинству наших сограждан обстоятельствам обороны Брестской крепости польским гарнизоном под командованием генерала К. Плисовского: «Наши историки, воспевая героическую оборону Брестской крепости в 1941 г., старательно умалчивали, что такой же героизм был присущ и полякам в 1939 г.» [Пикуль 1992: 53]. И уж тем более немного было известно обычному читателю о совместном советско-германском военном параде, проведенном 22 сентября 1939 г. в том же Бресте, который «был вычеркнут из нашей истории» [Пикуль 1992: 55]. Прохождение немецких войск и солдат Красной армии принимали Г. Гудериан и комбриг С.М. Кривошеин. Кстати, немецкому стратегу понравилось, что со стороны русских его приветствовал тоже танкист, к тому же владевший французским языком, что облегчило общение².

Юнга Северного флота, приобретший известность писателя-мариниста, справедливо полагал, что не может повести своего читателя в «окопы Сталинграда», потому что сам там не был. Но он умел

² Гудериан писал о больших потерях в Бресте в сентябре 1939 г. и о гибели там своего адъютанта [Гудериан 1998:107].

и мог показать историю грандиозного события XX в. Осуществить свой замысел писатель не успел. Не хватило времени и сил. Сегодня, когда ушли из жизни все писатели-фронтовики, неоконченная диалогия Пикуля, теряющаяся на фоне широко известных романов о Сталинграде В. Некрасова, К. Симонова, В. Гроссмана и Ю. Бондарева, открывается по-новому. По прошествии восьми десятилетий после Победы Отечественная война стала уже вполне законной темой исторической прозы. В этом отношении значительно возрастает роль источников, приходящих на смену переживаниям участников событий.

Корпус письменных документальных свидетельств, разного рода источников конкретных сведений о войне огромен. Сам автор перечисляет исследования по сталинградской теме, доступные в конце 80-х гг.: «У меня не сходили со стола авторитетные издания» [Пикуль 1992: 523]. Это труды историков (напр. А.М. Самсонова) и военачальников (напр. К.К. Рокоссовского, М.В. Захарова и др.)³. Число свидетельств пополняется за счет рассекреченных данных из закрытых архивов. Подбор, освоение и трактовка писателями этого гигантского пласта информации с неизбежным привлечением трудов историков подразумевает задачу своеобразного выборочного «реферирования» источников, превращения чужих голосов из прошлого в свои. Пикуль не только популярно заполнял исторические лакуны, в том числе искусственно созданные, но и по-своему расставлял акценты, перелагал для массового читателя эти источники. Ведь далекие по времени исторические эпохи всегда представляли в его произведениях ярко и увлекательно.

Неоконченная книга Пикуля в чем-то предвосхитила одно из возможных направлений исторической прозы об Отечественной войне. Грядущие авторы, решившиеся на изображение событий середины XX в., возможно, оценят и критически разовьют опыт, заложенный в первой книге неосуществленной диалогии «Площадь Павших Борцов».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Васильев А.* Польская кавалерия во Второй мировой войне. 18-ый Полк Померских улан в бою 1 сентября 1939 г. и кавалерийская атака под Кроянтами // Цейхгауз. 1991. № 1. С. 44–47.

³ Антонина Ильинична Пикуль свидетельствует: «При работе над романом писатель использовал более 500 (!) историко-архивных источников, монографий, а также воспоминания отечественных и зарубежных очевидцев. Но ему все, казалось, было мало. — Ты носи мне мемуары солдат и местных жителей, — определял он круг моих поисков» [Пикуль 2001: 384].

2. *Винокуров В.И.* Военно-дипломатические аспекты в творчестве В. Пикуля // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2013. № 24 (684). С. 105–112.
3. *Гранин Д.А.* Мой лейтенант. М., 2013.
4. *Гудериан Г.* Воспоминания солдата. Ростов-на-Дону, 1998.
5. *Пикуль А. И.* Валентин Пикуль. Из первых уст. М., 2001.
6. *Пикуль В.С.* Площадь Павших Борцов. Роман-размышление. Том I. Барбаросса. М., 1992.
7. *Прокурова Н.С.* Неоконченный роман В. Пикуля о Сталинграде: история создания // Успехи современной науки и образования. 2016. Т. 6. № 12. С. 178–181.

REFERENCES

1. Vasil'ev, A. Pol'skaya kavaleriya vo Vtoroi mirovoi voine. 18-yi Polk Pomorskiikh ulan v boyu 1 sentyabrya 1939 g. i kavaleriiskaya ataka pod Kroyantami [Polish Cavalry in World War II. The 18th Pomeranian Uhlans Regiment in action on September 1, 1939 and the cavalry charge near Krojanty]. *Tseikhgauz*. 1991, № 1, pp. 44–47. (In Russ.)
2. Vinokurov, V.I. Voenno-diplomaticheskie aspekty v tvorchestve V. Pikulya [Military and diplomatic aspects in the works of V. Pikul]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*. 2013. № 24 (684), p. 105–112. (In Russ.)
3. Granin, D.A. Moi leitenant [My lieutenant]. Moscow, *OLMA Media Grupp Publ.*, 2013. 320 p.
4. Guderian, G. *Vospominaniya soldata* [Memories of a soldier]. Rostov-on-Don, *Feniks Publ.*, 1998. 544 p.
5. Pikul' A.I. *Valentin Pikul'. Iz pervykh ust* [Valentin Pikul. First-hand]. Moscow, *AST, Veche Publ.*, 2001.
6. Pikul' V.S. *Ploshad' Pavshikh Bortsov. Roman-razmyshlenie. Vol. I. Barbarossa*. ["The Square of Fallen Fighters". The Novel as Reflection]. Moscow, 1992.
7. *Proкурова N.* Neokonchennyi roman V. Pikulia o Stalingrade: istoriia sozdaniia [The Unfinished Novel of V. Pikul about Stalingrad: A History of Creation]. *Uspekhi sovremennoi nauki i obrazovaniia*. 2016. Vol. 6. № 12. P. 178–181.

Поступила в редакцию 15.02.2025

Принята к публикации 22.04.2025

Отредактирована 29.04.2025

Received 15.02.2025

Accepted 22.04.2025

Revised 29.04.2025

ОБ АВТОРЕ

Пауткин Алексей Аркадьевич — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; apautkin@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Alexey Pautkin — Prof. Dr., Department of History of Russian Literature, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; apautkin@yandex.ru